

РАБОЧИЙ КЛАСС И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

- Учение К. Маркса
и современность
- Научный социализм
и идеологическая борьба
- За мир и жизнь на земле
- Капитализм и экономическая
роль профсоюзов

5
1983

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

П 23
2850

2

рабочий — класс и современный мир

Научный и общественно-
политический журнал

№ 5 (77) 1983

Академия наук СССР

Институт международного
рабочего движения

Издается с 1971 г.

Выходит 6 раз в год

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Прогресс» Москва

5
1983

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

На уровень новых задач	3
Мозес М. Мабида. Влияние К. Маркса на развивающиеся страны	13
Вернер Пафф. Рабочий класс в борьбе за мир и разоружение*	22
Т. Т. Тимофеев. Научный социализм и современная идеологическая борьба*	30

БОРЬБА ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. Б. Вебер. Капитализм и экономическая роль профсоюзов (статья вторая)*	45
В. Г. Гойло. Сложная рабочая сила: критика антимарксистских концепций	59

В МИРЕ СОЦИАЛИЗМА

Ференц Гажо. Молодежь в структуре венгерского общества	70
В. М. Мазырин. Профсоюзы СРВ в борьбе за повышение социальной активности и улучшение жизни трудящихся	76
М. А. Окунева. Формирование классового сознания пролетариата: опыт Кубинской революции	85

* * *

ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Б. И. Дубсон. Занятость и рабочее время в условиях современного капитализма	92
Н. И. Шарова. Борьба с безработицей во Франции в начале 80-х годов	107
О. Ю. Потемкина. Иммиграция во Франции и рабочее движение	116

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

И. К. Пантин. О генезисе марксистской мысли в России (К 100-летию группы «Освобождение труда»)*	127
И. Н. Ундасынов, И. В. Варивончик. Из истории борьбы за единство британского рабочего движения	143

СООБЩЕНИЯ

В. Ш. Ключевые проблемы современности и социал-демократия	156
Л. М. Михайлова. ОНП и его отраслевые организации (Профстроительство в ФРГ)	164

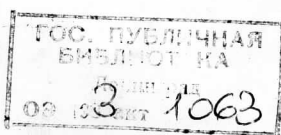
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Андреас Фельске. Борьба за мир и разоружение: стратегия и тактика	168
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. П. Блинова. Женщины в развитом социалистическом обществе	171
С. Н. Алитовский. Зарубежный Восток в послеоктябрьскую эпоху	175
Г. Н. Снегирев. Летопись классовой борьбы (Серийные публикации Института марксистских исследований, ФРГ)	180
Г. И. Чернявский. Неутомимый борец за дело рабочего класса	183
КОРОТКО О КНИГАХ	186
Сведения об авторах	190
Содержание на английском языке	191

Материалы, отмеченные звездочкой, рекомендуются руководителям семинаров и слушателям системы партийного просвещения.

О ГЕНЕЗИСЕ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

(К 100-ЛЕТИЮ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»)

И. К. ПАНТИН

В 1983 г. исполнилось 100 лет со дня смерти К. Маркса — величайшего мыслителя, основателя подлинной науки об обществе, создателя научной теории пролетарского социализма. В этом же 1983 году мы, советские марксисты, отмечаем 100-летие со дня образования группы «Освобождение труда» — первой политической организации, поднявшей знамя марксизма в России.

Возникновению марксизма как идейного направления в России, как течения российской общественной мысли предшествовала длительная, полная драматизма история поисков социалистической интеллигенцией правильной революционной теории. Трудности размежевания крестьянско-демократических и пролетарско-социалистических элементов в русском освободительном движении были связаны прежде всего с неразвитостью классовой борьбы внутри страны, с отсутствием широкого и самостоятельного рабочего движения. Истины, которые в европейских странах быстро усваивались в результате кровавого, но поучительного урока революций и контрреволюций, в ходе открытого политического столкновения классов, буржуазии и пролетариата в первую очередь, открывались революционной народнической интеллигенции мучительным путем проб и ошибок, поиска, связанного с временными отступлениями, перерывами традиции, крахом преувеличенных ожиданий. Отсюда особая роль «действенного народничества», ускорившего процесс просвещения революционно-социалистической интеллигенции, подводившего его вперед к логическому финалу. Во всяком случае, без напряженных поисков правильной революционной теории, оплаченных кровью и мученичеством тысяч борцов против самодержавия, марксизм в России не мог бы быть воспринят так быстро, не смог бы так основательно преобразовать идеологию революционного движения.

С расколом «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел» кризис народничества достигает критической точки, когда внутренние противоречия идеологии выливаются в борьбу революционных фракций. Народничество терпит крах. Но именно в это время несовпадение приобретенного практического опыта с традиционной доктриной крестьянского социализма становится важнейшим фактором самокритики народнического движения, вывода на поверхность политической жизни необходимости решающего идейного сдвига.

«Ход вещей» пришел в столкновение с «ходом идей». Однако «ход вещей» — это не просто объективное экономическое развитие страны по буржуазному пути, но прежде всего и главным образом революционная практика. Именно она выявила в форме антиномии «социализм — политическая борьба» противоречие народнического социализма потребностям освободительной борьбы в эпоху нарождавшегося в России капитализма. Другое дело, что в такой резкой форме антиномия существовала не для всех. Пожалуй, только Г. В. Плеханов со свойственным ему стремлением к целостности взглядов, логической завершенности доктрины формулировал антиномию столь четко и бескомпромиссно. Однако даже те, кто, признавая политическую борьбу, избегал обращения к теории социализма, чувствовали, насколько необходимо изменение существующих взглядов.

Революционная практика не только вызвала к жизни кризисную ситуацию в народническом движении, но и сделала ее разрешение необходимостью. Ибо противоречие между доктриной и тактикой революционеров появилось не случайно, не в результате допущенных ошибок или отклонения от правильного пути. Сама логика борьбы за социальный переворот вывела народников в сферу политики, благодаря которой со всей ясностью выявился основной порок исходной доктрины. То, что раньше выступало как различие точек зрения народнических публицистов, с возникновением народовольчества превращалось во внутреннее противоречие самого революционного движения. Своим героическим, но безнадёжным единоборством с самодержавием «Народная воля» поставила проблему социализма и политической борьбы, так сказать, на лезвие ножа. Русские социалисты оказались перед решающим выбором: либо отказ от поддержки развернувшейся политической борьбы против самодержавия, либо отказ от теории, в которой «политике» не находилось места.

К числу тех, кто остро почувствовал эти противоречия теории и практики народничества и начал напряженно размышлять о путях выхода из тупика, принадлежали, кроме Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов. Все они, активные народники, выходцы из «Черного передела», вынуждены были из-за преследований полиции эмигрировать за границу. «Каждый из нас, — писал впоследствии Плеханов о первых годах своей эмиграции, — принес из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находится в резком противоречии с теорией бунтарей. Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи»¹. Разбросанные по разным странам Западной Европы, русские революционеры-эмигранты были объединены общностью умственных интересов, желанием найти ответ на волновавшие их вопросы на путях научного социализма. И чем глубже они знакомились с западноевропейским рабочим движением и трудами Маркса и Энгельса, тем очевиднее для них становился утопический характер народнических взглядов и пороки народнической практики.

Речь шла, таким образом, не о простом заимствовании научной теории, а прежде всего о критической проверке накопленного революционного опыта с помощью марксизма. Этот практический опыт был чрезвычайно важным стимулом для критики старых народнических программ и теорий. Именно его осмысление с позиций научного социализма позволило первым русским социал-демократам сделать решающий шаг вперед по сравнению с их предшественниками (членами Русской секции I Интернационала, Лавровым, Ткачевым и др.) и воспринять не отдельные фрагменты учения Маркса и Энгельса, а марксизм в целом, как единственно научную теорию революционного социализма.

¹ Плеханов Г. В. Соч., т. XXIX, Л.—М., 1925, с. 178.

Слабость рабочего движения в России не помешала Плеханову постигнуть историческую связь и значение борьбы пролетариата. Осенью 1881 г. он начинает переводить на русский язык «Манифест Коммунистической партии». По признанию самого Плеханова, эта работа сыграла в формировании его марксистских взглядов выдающуюся роль². Благодаря «Манифесту» он нашел, наконец, путь к решению вставших перед русскими революционерами вопросов о соединении социализма с политической борьбой, о решающих силах социального переворота в России, о правильной тактике революционной борьбы.

Преодолевая заблуждения народничества теоретически, Плеханов, тем не менее, не спешил разрываться с народовольцами организационно, пытаясь избежать раскола революционных сил, и без того ослабленных преследованиями царизма. Однако вскоре Плеханов и его товарищи поняли, что единство с народовольцами тормозит распространение новых идей в революционном движении. 25 сентября 1883 года плехановская группа объявила об издании «Библиотеки современного социализма». В Объявлении говорилось о необходимости полного разрыва со старыми народническими взглядами, а также о том, что бывшие члены «Черного передела» образуют группу «Освобождение труда».

Считая своей коренной целью борьбу с абсолютизмом и организацию рабочего класса в особую партию с собственной социально-политической программой, члены новой группы выдвинули две непосредственные задачи: 1) Распространение идей научного социализма посредством перевода на русский язык важнейших сочинений Маркса и Энгельса, публикация и распространение оригинальных сочинений. 2) Критика ошибочных взглядов народничества и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и в соответствии с интересами трудящегося населения страны³.

Изложением взглядов новой группы явились работы Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.). Плеханов разоблачает в этих работах предрассудки народников относительно марксизма, показывая, что теория научного социализма не только полностью применима к условиям России, но и впервые дает правильное объяснение всех ее общественно-политических и умственных движений. Социалистическое будущее России, делает вывод Плеханов, связано с пролетариатом, с завоеванием им политической власти. Особенности пролетариата как самой передовой и последовательной революционной силы имеют решающее значение для судеб освободительного движения в России.

В качестве отправного пункта анализа общественной ситуации Плеханов берет политическую борьбу за свержение самодержавия и идею социализма — две идеи, приводившие в движение наиболее передовые слои интеллигенции и рабочих в России. Требованию политической свободы он придает исчерпывающую последовательность принципа, разъясняя, что успешно бороться с самодержавием одиночка из интеллигенции не в состоянии — только рабочий класс, организовавшийся в политическую партию, способен вести борьбу с шансами на победу. Для рабочего же класса политическая организация его рядов есть как раз то средство, при помощи которого он сможет осуществить и свои классовые интересы, и — одновременно — интересы общественного развития.

Первый русский марксист отдавал себе ясный отчет в том, что организация российского пролетариата в политическую партию — это отнюдь еще не решение «социального вопроса», последнее потребует усилий многих поколений рабочего класса, а также гораздо более высокого уровня капитализма. Но участие рабочих в политической борьбе будет — в этом Плеханов не сомневался — ни на минуту — неудержимо толкать их к дальнейшему развитию, поможет преодолевать им сектант-

² Плеханов Г. В. Соч., т. XXIV, с. 178—179.

³ См. Плеханов Г. В. Соч. т. II, с. 22—23.

ство и оставаться всегда на высоте исторических задач. «На этой дороге ждут нас успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию»⁴, — писал он в работе «Социализм и политическая борьба». И как ни оступался и ни отступал от этих позиций сам Плеханов впоследствии, как ни грешил он оппортунизмом, ход событий каждый раз вновь толкал российский рабочий класс и его партию на тот путь борьбы, который Плеханов и его товарищи предначертали для революционного движения в середине 80-х годов.

Успехи марксизма, непосредственное знакомство с западноевропейским рабочим движением, с идейной борьбой различных течений в социализме существенно облегчали задачу Плеханова и других пионеров марксизма в России: они указывали, где и как искать ответ на «проклятые вопросы» русского революционного движения. Однако трудности, вставшие перед Плехановым, не следует преуменьшать — речь шла не просто о признании марксизма как теоретической доктрины, но о применении теории Маркса к анализу русской действительности, к проблемам русского освободительного движения. Нужно было объяснить посредством социалистической теории особенности экономического положения в России, выработать революционную концепцию и методы борьбы, по существу новые, несмотря на их видимое сходство с опытом освободительного движения в других странах. Нужно было на основе критического анализа определить исходную точку русской социальной революции, доказав, что борьба за политическое освобождение России способна при определенных условиях (политическое воспитание пролетариата) стать прологом социалистической революции. Наконец, предстояло дать четкий и определенный ответ, как ниспровергнуть власть самодержавия. Словом, проблем было много, и надо удивляться не тому, что Плеханов и его соратники не решили их все, а тому, что они все-таки сумели обрисовать позицию, на основе которой можно было двигаться дальше, вырабатывать конкретную политическую программу и тактику.

Плехановская марксистская концепция возникла в ту эпоху, когда самостоятельного рабочего движения в России еще не существовало, когда пути развития русской революции приходилось определять на основе общей исторической теории. Среди тех пятерых, составлявших группу «Освобождение труда», которые выступили в 80-х годах прошлого века пионерами марксистских идей в нашей стране, едва ли не все пришли к научному социализму путем знакомства с трудами Маркса и Энгельса, а через них — к анализу русской общественной ситуации. С этим связаны достоинства первых русских марксистов — высокий теоретический уровень мышления, умение схватить научный социализм как целое; но с этим же связаны и их недостатки — своего рода абстрактность, схематизм, пропагандистский по преимуществу характер их работ⁵.

В работах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» картина классовых отношений российского общества рисуется крупными мазками, без проработки отдельных деталей. Такие существенные проблемы, как выяснение роли буржуазии в русской буржуазно-демократической революции, создание партии нового типа, проблема политического воспитания пролетариата в ходе революционной борьбы, исследование сути аграрного вопроса в России и отношение пролетариата к крестьянским массам, — все эти актуальные для русской революции вопросы оставались в общем и целом в 80-х годах за пределами теоретических обобщений Плеханова. Связь борьбы социалистического пролетариата с судьбами других классов не доказывается в подробностях; она скорее постулируется Плехановым как естественная и сама

⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. II, Л. — М., 1925, с. 349.

⁵ См. Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. 1884—1894 гг. М., 1959, с. 219.

собой разумеющаяся предпосылка. В этом недостаток плехановской постановки вопроса о руководящей роли рабочего класса в русском освободительном движении, вследствие которого она уступает место ленинской идее гегемонии пролетариата.

Разрывая с народничеством, Плеханов ни в малейшей степени не склонялся к сектантству. Под углом зрения развития классовой самостоятельности пролетариата он рассматривает все вопросы предстоящей русской революции. Он уверен в том, что «возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России»⁶. Никакой догматической боязни экономической и культурной отсталости страны, ограничения революционных задач пролетариата ввиду этой отсталости. Движение России по капиталистическому пути есть непреложный факт, отрицать который бессмысленно и реакционно, — страна уже вступила «на след естественного своего развития». Однако это движение, доказывает Плеханов, не предопределено фатально, оно может быть более мучительным или менее мучительным для народа «в зависимости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны». Причем пролетариат, в котором сосредоточиваются все революционные интересы современного общества, в состоянии решающим образом повлиять на эту комбинацию.

Развитие капитализма не застало социалистическую партию врасплох: она оказалась стоящей на более высокой ступени развития, чем буржуазные партии. Если это преимущество не будет потеряно, если социалисты сумеют организовать широкую пропаганду в рабочей среде, считает Плеханов, то отпор буржуазии будет решительным и энергичным, и капиталистическая фаза будет превзойдена в исторически короткие сроки. Но не только внутренние факторы — социалистическое просвещение и организация русского пролетариата, его классовая самостоятельность — определяют, по мнению Плеханова, более короткий, чем в европейских странах, срок существования капитализма в России. Историческая среда, в которой происходит развитие русского капитализма, также будет способствовать ускорению процесса. «Наш капитализм отцветет, — доказывает он, — не успевши окончательно расцвести, за это ручается нам могучее влияние международных отношений»⁷.

В «Наших разногласиях» Плеханов не знает, как поведет себя русская буржуазия в предстоящей революции. Он ограничивается констатацией противоречия интересов русской буржуазии с интересами абсолютизма, делая при этом многозначительное замечание насчет того, что буржуазия умеет извлекать пользу «из существующего режима» и «потому не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях...»⁸. Однако он не спешит с выводами, не желая по некоторым частным сторонам процесса заключать обо всем его направлении. По его мнению, русская буржуазия переживает сейчас (т. е. в 80-х годах XIX в.) «важную метаморфозу: у нее развились легкие, которые требуют уже чистого воздуха политического самоуправления, но в то же время у нее не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она продолжает дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма»⁹.

В своих первых марксистских работах Плеханов еще не ставит вопроса, каким образом сознательный пролетариат сумеет принять участие в буржуазной революции, не таская из печи «каштанов политиче-

⁶ Плеханов Г. В. Соч., т. II, с. 349.

⁷ Там же, с. 337.

⁸ Там же, с. 203.

⁹ Там же. Следует отметить, что общий тон в отношении потенций российской буржуазии в «Наших разногласиях» несколько ниже, чем в работе «Социализм и политическая борьба». В своей первой марксистской работе Плеханов ошибочно полагал, будто в борьбе с самодержавием пролетариат получит активную поддержку со стороны многих представителей либерального движения.

ского освобождения» для буржуазии,— решение этой трудной задачи было впереди. Однако он уверен: в предстоящей революционной борьбе русский рабочий класс должен вести самостоятельную политическую линию. «Наше «общество» лишено такого (как в Западной Европе.— И. П.) влияния на рабочий класс, и социалистам нет ни нужды, ни выгоды создавать его заново. Они должны указать рабочим их собственное, рабочее знамя...»¹⁰

Даже темнота, политическая косность крестьянства — факт, с которым столкнулось и о который разбилось революционное народничество,— не пугает Плеханова; он уверен, что промышленные рабочие способны сыграть решающую роль в политическом развитии крестьянства. В такой крестьянской стране, как Россия, марксист Плеханов и его друзья вовсе не думают игнорировать мужика. Напротив, выдвигая на первый план задачу политического просвещения и организации рабочего класса, они тем самым надеются отыскать более действенные способы влияния революционной партии на сельское население. Не социалистическая интеллигенция сама по себе, а прежде всего сознательный рабочий способен обеспечить влияние революционных идей на народ. «Ни по привычкам мысли, ни по способности к физическому труду наша революционная интеллигенция не имеет ничего общего с крестьянством. Промышленный рабочий и в этом случае составляет середину между крестьянином и «студентом». Он должен поэтому послужить связующим звеном между ними»¹¹. Интеллигенция должна начать свое революционное слияние с народом не с крестьянства, а с пролетариата, но именно начать, приступая по мере развития и укрепления рабочего движения к систематической революционной работе в крестьянстве.

Таким образом, программа марксистов в России, как ее формулирует Плеханов в 80-х годах, не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует роли крестьянства. Она, по мысли Плеханова, «ставит своей задачей организацию социал-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения»¹². Правда, насколько далеко пойдет русский крестьянин в своей борьбе против существующего строя, насколько расслоилось крестьянство под воздействием развития капитализма, Плеханов еще не знал и знать не мог. Поэтому, возражая против народнической идеализации крестьянства, он порою недооценивал революционные возможности крестьянского движения в России, что впоследствии послужило источником его ошибок по аграрному вопросу¹³.

Конечно, идея руководящей роли рабочего класса, сформулированная Плехановым, качественно отличалась от ленинской теории гегемонии пролетариата в русской революции. Ленинский подход, составивший эпоху в развитии марксизма, подразумевал нечто неизмеримо более богатое и конкретное: осмысление борьбы пролетариата с буржуазией как фокуса многочисленных и разнородных конфликтов и социальных войн, имеющих место при капитализме. Однако то, что сделал Плеханов, не было забыто Лениным: как «снятый» момент оно присутствует в разработанной Лениным научной теории социалистической революции.

Историческое значение поворота, осуществленного Плехановым и группой «Освобождение труда», заключалось прежде всего в том, что в кризисный для русского освободительного движения момент они поставили и разрешили с помощью марксизма объективно назревшие проблемы революционной борьбы. С одной стороны, революционное движение России получило прочную теоретическую основу в виде марксистской концепции истории и философского мировоззрения, а с другой — коренным образом менялось направление революционной инициативы социалистов. Последняя была поставлена в прямую связь с про-

¹⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. II, с. 346.

¹¹ Там же, с. 251.

¹² Там же, с. 353.

¹³ См. Костин А. Ф. От народничества к марксизму, с. 80—81.

буждением и политической организацией рабочего класса, с творческим освоением богатейшего исторического опыта рабочего движения Западной Европы.

Это было началом пролетарского социализма в России, появлением российской социал-демократии как идейного течения. Недаром Ленин усматривал в работе «Социализм и политическая борьба» исходный пункт русского социал-демократизма. Она показала, по его словам, «как именно и почему русское революционное движение должно привести к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы»¹⁴.

В конце 1883 г. почти одновременно с группой «Освобождение труда» в самой России образовалась первая марксистская организация. Ее инициаторами были революционные студенты Петрограда во главе с болгаринцем Дмитрием Благоевым. В 1885 г. независимо от блagueвцев возникла другая организация — группа П. В. Точисского, объединившая передовых рабочих. Под влиянием Н. Е. Федосеева в конце 1887 — начале 1888 г. складываются марксистские группы в Казани. С 1892 г. началась активная социал-демократическая деятельность В. И. Ленина, создавшего марксистский кружок в Самаре. Социал-демократические кружки и группы появляются и в других районах страны.

Все это свидетельствовало о решающем повороте революционной интеллигенции и передовых рабочих к идеям научного социализма. В лице Плеханова и группы «Освобождение труда» русское революционное движение преодолело своеобразный критический рубеж. То, что до преодоления этого рубежа казалось невозможным — образование в русском революционном движении собственно марксистского направления, — стало естественным и необходимым в итоге деятельности группы «Освобождение труда». И наоборот, проторенный путь революционной борьбы, по которому еще продолжали идти народовольцы, превращался в анахронизм и отсталость. С этого времени русская пролетарская демократия обретает почву для своего непрерывного развития. Отныне ни перемены в классовых отношениях, ни изменения в политической ситуации, ни постановка новых общественных задач не в состоянии будут нарушить преемственность русского рабочего движения: оно твердо становится под знамя марксизма. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию в России и сделала первый шаг навстречу рабочему движению. Соединение социализма с рабочим движением и создание революционной марксистской партии связано уже с ленинским этапом в развитии теории и практики марксизма.

* * *

Когда в сентябре 1883 г. Плеханов и его соратники объявили о своем разрыве с народничеством и переходе к научному социализму, никто не мог предположить, включая самих пионеров марксизма в России, что в течение каких-нибудь трех с половиной десятилетий учение марксизма не просто завоеует себе признание среди революционной интеллигенции и передовых рабочих страны, но и превратится в знамя боевой пролетарской партии, ведущей за собой революционный пролетариат и беднейшее крестьянство на победоносную социалистическую революцию. Столь необычная интенсивность развития событий, выразившаяся не только в экономической сфере, но и в сфере политической, духовной, на арене исторического действия не могла не иметь далеко идущих последствий для исторических судеб марксизма в России.

С одной стороны, ход событий обусловил изменение характера самой теории. Призванная помочь общественным силам, заинтересованным в уничтожении капиталистического строя, определить их линию

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 311—312.

поведения, стратегию и тактику, марксистская теория становится программой борющегося пролетариата и, следовательно, элементом исторического движения. Как правильно подметил А. Грамши, марксизм в этом случае становится «полным осознанием противоречий, при котором сам философ, понимаемый как индивидуум или целая социальная группа, не только постигает противоречия, но и берет самого себя как элемент противоречия и поднимает этот элемент до принципа познания, а следовательно, действия»¹⁵.

С другой стороны, развитие русской революции потребовало от социал-демократии гораздо большего, чем то или иное видоизменение в сфере приложения общих истин марксовой теории. По сути дела речь шла о том, чтобы марксистская мысль своим саморазвитием оказалась бы в состоянии проторить дорогу новым возможностям исторического действия, а в перспективе — и новому типу социальной эволюции. А это означало не просто обнаружение новой области марксистского исследования — изучения монополистического капитализма при сохранении посылок и допущений, связанных с теорией капитализма XIX века. Нужно было дать четкий анализ объективных условий, в которых развивалась русская революция, — как внутренних, так и международных, — понять, что исторически особая действительность требует конкретизации старых понятий и выработки новых, схватывающих своеобразие данного этапа революционного процесса, данной исторической ситуации.

В свете сказанного ясно, что не отдельные тактические и теоретические промахи определили в конечном счете судьбу воззрений Плеханова и его товарищей, а тот ограниченный подход к проблемам социализма, который исторически сложился как отражение определенной полосы в развитии социал-демократии в России и на Западе и соответствовал меркам и отношениям доимпериалистической эпохи, отходившей на переломе XIX и XX веков в прошлое.

Ленинское учение возникает как осознание невозможности решить основные вопросы общественно-экономического развития России под эгидой буржуазии и на пути капитализма. В этом смысле революционная деятельность и научно-теоретическое творчество Ленина продолжали, развивали традиции российского освободительного движения, а марксизм-ленинизм стал высшим достижением российской демократической мысли. Но было бы, безусловно, неверно и политически вредно отрицать на этом основании всемирно-историческую значимость ленинского вклада в теорию марксизма. Дело не только в том, что опыт российского рабочего и революционного движения рассматривался Лениным с точки зрения интернациональной перспективы и интернациональных проблем. Ленин и руководимая им большевистская партия — и это главное — дали освободительному движению разных стран своим примером и опытом общие наметки той исторической работы, которую человечеству предстояло выполнить. Марксизм-ленинизм отразил громадной важности *социологический* факт, что основные черты и особенности современной эпохи определяются уже не буржуазией, а рабочим классом. Задачей революционного движения в наше время во всех странах становится борьба против империализма, создание условий для перехода к социализму. Иными словами, истоки социализма в XX веке коренятся в самом ходе мирового исторического развития, в частности в невозможности (= трудности) формирования основных предпосылок цивилизации на пути капитализма.

Но вернемся к историческим судьбам марксизма в России, к наиболее глубокому источнику противоречий между Лениным и Плехановым, большевизмом и меньшевизмом. Историческое развитие подтвердило прогноз Плеханова относительно того, что революционное движение в России может восторжествовать только как движение рабочего класса; выбора здесь не дано. Плехановское решение этого вопроса прото-

рило путь, открыло возможность использования опыта и организационных форм западноевропейской социал-демократии в российском освободительном движении. Но задача, которую предстояло решить российскому революционному движению,— постановка ее составляет великую заслугу Ленина и большевиков — существенно отличалась от западноевропейской: речь шла не просто о разрушении старой политической надстройки, о приведении законов и всего государственного строя в соответствие со сложившимся капиталистическим базисом, а о гораздо большем — создании общих социальных условий, при которых производительные силы страны могли бы развиваться по меркам и масштабам XX века.

Генезис этой задачи был связан с превращением капитализма «свободной конкуренции» в монополистический капитализм.

В советской литературе, да и не только в ней, идет давний спор об уровне развития капитализма в России, о степени влияния на экономическое развитие остатков феодализма. Однако, как сейчас становится все более ясным, главное заключается, по-видимому, не только и не столько в определении уровня развития капитализма, сколько в том, чтобы понять капиталистически «незавершенное» состояние экономики России в качестве закономерного продукта, сущностной тенденции самого капиталистического развития в его определенной исторической форме.

Российский капитализм вряд ли правильно было бы назвать неразвитым. По сравнению с соответствующим периодом западноевропейского капитализма он был вполне развитым. И, главное, развивался высокими для своего времени темпами. Но существовало колоссальное несоответствие всего общественного здания бурно разрастающейся капиталистической «надстройке». Кроме того, прогресс капитализма в России не только не устранял почвы для крепостнических и полукрепостнических отношений, а как бы создавал для них условия, трансформировал их, особенно в сельском хозяйстве страны, в систему «отработок» и кабального найма.

Особую форму (тип) русского буржуазного развития отмечал еще Маркс, сравнивая его с капитализмом США. «В Соединенных Штатах,— писал он,— концентрация капитала и постепенная экспроприация народных масс представляет не только орудие, но и естественное порождение (хотя и искусственно ускоренное Гражданской войной) неслыханно быстрого промышленного развития, прогресса в сельском хозяйстве и т. д.; Россия же напоминает скорее Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка, или вернее, фасад общественного здания (имевшего, правда, под собой гораздо более прочный фундамент, чем в России) выглядел насмешкой на фоне застоя большей части производства (сельскохозяйственного) и голода среди производителей»¹⁶.

Любой капитализм, где бы он ни возник, предопределяет разорение непосредственных производителей («экспроприацию народных масс»). Но это разорение может быть выражением общего социально-экономического прогресса страны на капиталистическом пути, как это было в США, а может быть средством создания капитализма *за счет* большинства населения исключительно *в интересах* господствующих классов. Проникавшее в социальные отношения буржуазное содержание не сглаживало в последнем случае противоречия между капиталистической эволюцией страны и отсталыми способами производства в сельском хозяйстве, а, наоборот, обостряло их, добавляя к варварству крепостничества все недостатки новейшего капитализма. Маркс мог бы сказать о России то же самое, что он в свое время говорил о Германии: «Она разделяла страдания этого развития, не разделяя его радостей, его частичного удовлетворения»¹⁷.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 292—293.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 424.

Короче, кризис экономической системы в России заключался отнюдь не в том, что старые и новые диспропорции еще не были преодолены капитализмом вследствие, скажем, сравнительной его молодости, длительной задержки на первоначальных средневековых ступенях развития, как думали Плеханов и меньшевики. Источник общей экономической и культурной отсталости коренился в другом — в самом развитии капитализма, в невозможности для него «завершить» себя в общенациональном масштабе. Следовательно, и социальный переворот в стране по своим объективным задачам, по характеру движущих сил оказывался глубже и шире, чем просто буржуазно-демократические преобразования. Удар, наносимый поземельной собственности, приближал неизбежные дальнейшие удары по собственности на средства производства вообще.

В этом смысле, даже оставаясь по своему экономическому содержанию буржуазным, прогресс в XX веке по своим движущим силам, способам своего осуществления переставал быть «буржуазной мерой», т. е. требовал таких форм революционного вмешательства в социально-экономическую жизнь, которые в совокупности шли дальше возможного для буржуазии. Но тем самым вопрос о перспективах движения громадных масс «мелкобуржуазного народа», а вместе с тем вопрос о будущем и судьбе взаимоотношений социалистического авангарда рабочего класса со всем народом вставал теперь, как указывал Ленин, совершенно иначе.

Поскольку преобразования, призванные сокрушить устаревшие крепостнические порядки в экономике страны, в ее политическом строе, выходили за пределы непосредственно буржуазных форм исторического действия и в этом смысле выступали как мера антикапиталистическая, — постольку, прежде всего, от рабочего класса, его политического развития, сознательности, организованности, способности повести за собой революционно-демократические силы объективно зависело развитие социальной революции, а также возможность сделать ее непрерывной вплоть до низвержения господства помещиков и буржуазии.

Конечно, дело заключалось не только в субъективном факторе (революционная активность пролетариата и крестьянства). Как ни важен он сам по себе, преобразование не могло бы осуществиться, если бы не существовала объективная необходимость радикального пересмотра отношений собственности, в первую очередь поземельной, и невозможность, в конечном счете, реформистского пути. И так как перед русской революцией 1905—1907 гг. непосредственно стояла задача буржуазно-демократических преобразований, то с точки зрения именно этой задачи Ленин и противопоставлял помещичьей разновидности капитализма — реакционной, отягощенной пережитками крепостничества — демократическую его разновидность — фермерский путь развития.

Тем не менее, для понимания перспектив социализма ленинский подход к социальной революции в России имел принципиальное значение. Коренная идея марксизма — рабочий класс может освободить себя, лишь освободив все общество, — оказывалась в устах меньшевиков пустым звуком. Они относили ее только к заключительному этапу освободительной борьбы рабочего класса, когда последний перейдет к «своей», социалистической революции. В ленинской же теории она направляла каждый шаг социал-демократии на каждом этапе освободительной борьбы рабочего класса.

Естественно, что учет антикапиталистической потенции революционной демократии не мог совершаться одинаково в революции 1905—1907 гг. и в 1917 г. В годы первой русской революции — это, скорее, поиски особого места рабочего класса и его авангарда в создании новой, свободной России. Перспектива перехода к более высокой стадии уже угадывается Лениным в это время, но она еще не вводится в непосредственную политическую тактику социал-демократии, находится как бы

Иное дело в 1917 г., когда общенациональный кризис, порожденный империалистической войной и разрухой, поставил Россию на грань катастрофы, из которой не было другого выхода, кроме свержения буржуазии и шагов к социализму. Именно в это время Ленин сформулирует идею, согласно которой «развязать» путаницу российских аграрных отношений можно «не по частям», а сразу, перерубая главный корень отсталости страны, ее средневекового земельного строя — господство крупного капитала в экономике и политической жизни страны. «...Нельзя вырваться из когтей ужасного, всемирным капитализмом порожденного чудовища империалистической войны и голода, не покидая почвы буржуазных отношений...»¹⁸.

Изменится соответственно и подход к аграрному вопросу, последний будет осмыслен Лениным в качестве составной части социалистического переворота.

Ленин напишет: старая постановка вопроса о народничестве, о крестьянской демократии уже недостаточна в изменившихся условиях. Эсеры предали интересы крестьян, порвали с демократией. «Они представляют не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев. Они ведут крестьянство не к союзу с рабочими, а к союзу с капиталистами, т. е. к подчинению им»¹⁹. Крестьянская же беднота ищет выхода на пути, который указывает ей пролетариат. Поэтому теперь уже неправильно ограничиваться разоблачением лозунгов «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда» и т. п. как простой интеллигентской фразы. Война невиданно ускорила обострение противоречий в сельском хозяйстве, старые формулы наполнились новым содержанием. «Недопущение наемного труда», — звучало раньше только пустой фразой мелкобуржуазного интеллигента. «Это значит теперь в жизни иное: миллионы крестьянской бедноты в 242-х наказах говорят, что они хотят идти к отмене наемного труда, но не знают, как это сделать... Мы знаем, что это можно сделать только в союзе с рабочими, под их руководством, против капиталистов...»²⁰.

Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать. Ни один разумный социалист, подчеркнет Ленин в 1917 г., не разойдется с ними из-за этого: «...При господстве пролетариата в центре, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой»²¹.

Итак, коренной источник непримиримых разногласий между Лениным и большевиками, с одной стороны, и Плехановым и меньшевиками, — с другой (оставляя пока в стороне несовпадение позиций большевиков и меньшевиков по целому ряду вопросов) заключался в различном понимании объективных задач и характера движущих сил социального переворота в России. Для Ленина социалистическая революция в России — шире и сложнее, чем «просто» разрешение антагонизма между пролетариатом и буржуазией. Вернее, этот антагонизм являлся своеобразным фокусом разнородных конфликтов и социальных войн, идущих при капитализме. Вот почему для судеб социализма — и шире — исторической эволюции в целом далеко не безразлично, кто и как осуществляет неотложные социальные преобразования: пролетариат и его партия, ведущие за собой массы народа или помещики и буржуазия, направляемые либералами. То, что для меньшевиков представлялось «химерическими планами» — строительство новой России вопреки бесхарактерности и реакционным поползновениям буржуазии, то для Ленина и большевиков было сутью проблемы гегемонии пролетариата в русской революции.

История не просто подтвердила правоту Ленина в этом принципиальном споре, она превратила проблему гегемонии рабочего класса в цент-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 37.

¹⁹ Там же, т. 34, с. 114.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 115.

ральный пункт, в котором сошлись так или иначе все запросы и задачи освободительного движения XX века.

* *

Несомненно, что сложившаяся в России в 1917 г. историческая ситуация, как, впрочем, и всякая революционная ситуация, представляла собой явление экстраординарное: страна средне-слабого развития капитализма в результате империалистической войны оказалась на грани национальной катастрофы, из которой она вышла с помощью социалистического переворота. Исключительное стечение обстоятельств, не говоря уже об особой остроте классовой борьбы в революции, последовавшей за империалистической войной и переросшей в гражданскую войну, потребовало чрезвычайных мер, жесткости, насилия. Но было бы неверно на этом основании отрывать национальную историю России от всемирной и не замечать, следуя логике регионально замкнутого мышления, того, что *в форме неповторимого, индивидуального, исключительного в русской революции выявили себя закономерности общемирового развития*, которые изменяют ход истории и судьбы народов, определяют реальную форму прогресса в XX в.

Если говорить об общемировых тенденциях развития капитализма, впервые обозначившихся в России и развившихся в глобальном масштабе в наше время, то на первое место следовало бы поставить асимметричный и антагонистический характер экономических отношений мирового капитализма. То, что в России, стране «второго» эшелона капитализма, выступало как несовпадение промышленной революции в городе и социального переворота в деревне, в ходе развития мировой капиталистической экономики во второй половине XX века обернулось антиномичностью прогресса производительных сил и производственных отношений в «эпицентрах» капитализма, с одной стороны, и на его периферии — с другой.

Вне сомнения, превращение отдельных обществ, включая отсталые, в звенья общечеловеческого движения даже на пути капитализма является прогрессивным сдвигом в мировой истории. Однако при этом нельзя не принимать во внимание того решающего факта, что в капиталистической «метрополии» и странах зависимого капитализма существуют далеко не одинаковые производительные силы и производственные отношения. И дело не только в том, что отсталая структура производительных сил (соответственно производственных отношений) не ликвидируется, не устраняется тем фактом, что часть из ранее отсталых стран уже превращается в индустриальное звено мировой капиталистической системы. Главное — современный «поздний» капитализм оказывается не в состоянии преобразовать на собственный лад строй общества в целом, преодолеть реальные диспропорции и антагонизмы зависимого капиталистического развития. Другими словами, завоевание основных предпосылок цивилизации на пути «классического» развития капитализма оказывается в условиях этих стран проблематичным, если не просто утопическим. Зато принципиально иные возможности прогресса и среди них путь «подтягивания» производительных сил до мирового уровня *в рамках новых современных производственных отношений*, становятся необходимыми и оптимальными с точки зрения развития XX века, глубоко укорененными в современной действительности.

Далее, сегодня особенно очевидно, что социалистическая революция в России знаменовала коренной формационный перелом. Произошло, если угодно, качественное изменение условий всемирно-исторического развития в том смысле, что с появлением социализма сократился ряд необходимых в прошлом исторических этапов для перехода к построению современной цивилизации или, по крайней мере, ускорилось их прохождение. Пробуждение десятков и сотен миллионов людей к исторической деятельности в условиях противоборства мировых систем капитализма и

социализма создает условия, когда политический и социальный перевороты становятся прологом к культурному и экономическому преобразованиям. Преодоление зависимости на путях некапиталистического развития связано, естественно, с громадными трудностями политического, экономического и культурного порядка, с изменением, часто болезненным, механизма общественного обновления, прогресса. Но другого пути нет. Только с этого «конца» и можно в XX веке — с реальными шансами на успех — осуществлять выход из тупиков зависимого развития. То, что раньше казалось исключением, — начинать с завоевания революционным путем предпосылок для определенного культурного и экономического прогресса, а потом на этой основе догонять другие народы, теперь, по прохождении некоторого рубежа, стало необходимостью, чем-то таким, что навязывается историей странам, обществам, как единственный способ догнать ушедшие вперед государства.

Предвидения Ленина, как мы видим, получили в XX веке достаточное подтверждение, а его вывод относительно того, что «...при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а наоборот, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»²², стал руководящей нитью при анализе новых проблем, которые встают перед странами, впервые втягивающимися в русло подлинного экономического и общественного прогресса.

Историческое развитие в XX веке с одной стороны наполнило многие из замечательных предвидений ленинской мысли неожиданным, оригинальным содержанием, с другой — выявило ряд новых проблем, не стоявших при жизни Ленина в том виде, в котором они стоят сегодня. Мы имеем в виду, прежде всего, так называемые глобальные проблемы и наиболее неотложную среди них — предотвращение термоядерной катастрофы.

Капитализм сегодня не только обнаруживает свою историческую ограниченность в качестве универсального (во всемирном смысле) способа производства. Он не только паразитирует в развитых странах ГМК на возможностях, создаваемых утилизацией элементов социального прогресса, которые завоеваны на принципиально иной основе и в борьбе с капитализмом. Сегодня он угрожает самому *существованию* человеческого общества, подстегивая и без того беспрецедентную гонку вооружений, грозя эскалацией локальных конфликтов вплоть до глобального, ядерного.

В этих условиях мы вправе констатировать, что категория «человечество» впервые начинает приобретать не просто гуманистический, а реальный — экономический, социальный, политический, идеологический смысл. Объективная основа ее — интернационализация производительных сил во всемирном масштабе, тенденция, на пути которой стоит капитализм, к превращению каждой страны или группы стран в национально-особую и вместе с тем, интегральную часть всемирно-исторического движения.

Объективная основа ее — изменение отношения между человеком, его производительными силами и естественными предпосылками его существования, нахождение средств решения глобальных проблем. Наконец, последнее по счету, но не по значению. В нашу эпоху история общества приобрела такое «измерение», которого она раньше не имела. Сегодня человечество располагает техническими средствами, способными привести к всеобщему уничтожению цивилизации. Возможность уничтожения человечества стала важнейшим вопросом борьбы в международной политике.

Угроза всеобщей катастрофы, опасность необратимых экологических сдвигов, совершающихся в глобальном масштабе, асимметричный и несправедливый характер экономических связей, навязываемых капитализ-

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.

мом развивающимся странам, дискриминация по признаку пола, расы, национальности, неустраима при капитализме неэффективность политических институтов в решении насущных вопросов экономического и социального развития и т. д. и т. п., — вот круг проблем, которые обусловили появление так называемых новых социальных движений прежде всего антивоенного, и которые обеспечивают им все расширяющуюся поддержку в разных слоях общества. Проблемы эти не носят «традиционного» унриеристского характера и на первый взгляд не связаны с отношениями труда и капитала, с задачами, которые решает, скажем, традиционное профсоюзное и рабочее движение. Они являются общими для народных масс, для подавляющего большинства населения, поскольку связаны с прогрессом всего общества, более того, человечества. Но связь их с противоречиями современной фазы развития государственно-монополистического капитализма, на наш взгляд, не может подлежать для марксиста никакому сомнению.

Современный капитализм с господством крупнейших монополий и их погоней за прибылью, с законами безжалостной конкуренции и соперничества, с антагонистическим характером противоречий является той питательной средой, которая обостряет глобальные проблемы и противоречия мирового экономического развития, доводит заложенные в них антагонизмы до глубоких структурных кризисов, придает им конфликтный, катастрофический характер. В этих условиях историческая миссия рабочего класса, его коммунистического авангарда обогащается, наполняется новым содержанием: речь сегодня идет о решении глобальной задачи — ликвидации угрозы самоуничтожения человечества и уничтожения жизни на планете.

«Нависшая над миром угроза ядерной войны побуждает по-новому оценить основной смысл всего коммунистического движения, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. — Коммунисты всегда были борцами против угнетения и эксплуатации человека человеком, а сегодня они борются еще и за сохранение человеческой цивилизации, за право человека на жизнь»²³. В этой борьбе способность коммунистов установить действенный контакт с широкими антимилиитаристскими движениями приобретает первостепенное значение. Спектр сил, выступающих за предотвращение ядерной катастрофы, сегодня необычайно широк: он охватывает коммунистов, социал-демократов, пацифистов, «новые социальные движения», определенные круги церковников, массу верующих и даже часть монополистической буржуазии. Со всеми ними коммунистам предстоит найти общий язык в борьбе за сохранение мира, за обуздание наиболее воинствующих кругов империализма. А это проблема непростая, требующая новых решений диалектического подхода.

Смешно, например, закрывать глаза на политическую отсталость, мелкобуржуазный характер взглядов, а порой антикоммунистические предрассудки определенных течений в современном антивоенном движении. Но для коммунистов, верных марксистско-ленинской традиции, оценка массового движения не может быть тождественна сравнению доктрин и идеологий (скажем, марксизма и пацифизма). Неизмеримо более важным для них является вопрос: каково на деле поведение тех слоев населения, которые солидарны с пацифизмом, нейтрализмом или близкими им идеями. Даже установив буржуазно-демократическое содержание антивоенного движения в современных условиях, коммунисты не ставят здесь точку. Они учитывают, что борьба против милитаризма, против гонки вооружений развивается от одного этапа к другому, благодаря чему старые формулы способны наполниться новым содержанием.

Точно так же нельзя не видеть в идеологии современных «новых социальных движений» утопические, а порой и прямо реакционные пред-

²³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 20.

рассудки мелкого буржуа (например, выступления «зеленых» против атомной энергетики), антикоммунистические экзерсисы, но смешно и зарекаться в условиях стран Запада от поиска соглашений с этими движениями только на том основании, что они не связаны политически с коммунизмом, проникнуты мелкобуржуазными и буржуазными иллюзиями. Действительная роль этих движений определяется в современных условиях не антикоммунистическими предрассудками их участников, не ошибочным стремлением искать решение назревших вопросов порой позади, а не впереди научно-технического прогресса, а главным образом и прежде всего их практическими выступлениями против милитаризма, угрозы ядерной катастрофы, гонки вооружений, борьбой против сползания цивилизации в пучину непредсказуемых экологических изменений.

Характер антивоенных и других социальных движений в политическом отношении в настоящее время более чем скромнен. Точнее было бы сказать даже, что движения такого рода представляют собой пестрый конгломерат сил, преследующих весьма различные, порой противоположные политические цели. В этом различном понимании единых или по крайней мере, одинаково сформулированных, целей, в противоречиях конкретных устремлений социальных слоев, образующих движения (плюс стихийность), кроется основной источник их политической слабости. Но не забудем: массовый, широкий демократический характер этих движений, их распространение на развитые капиталистические страны, их активность, готовность к непосредственному действию во имя провозглашаемых целей — составляют главную силу, главное позитивное завоевание этой инициативы.

Во всяком случае марксист изменил бы методу исторического рассмотрения задач данного этапа борьбы за социализм в странах зрелого капитализма, если бы забыл, что подход к социализму и переход к нему невозможен вне и помимо развития и политизации разнородных массовых антимонаполистических движений — рабочего класса, средних слоев, интеллигенции, мелкой буржуазии города и деревни и т. п. Каждый из этих слоев по-своему, своим путем будет подходить к осознанию необходимости разрыва с партиями крупного капитала и признанию возможности, желательности совместной борьбы с революционным авангардом рабочего класса. Гадать относительно возможных перипетий политической эволюции этих разнородных движений было бы, наверное, делом праздным. Ясно только одно: при определенных условиях они могут стать источником нового, более высокого размежевания политических сил.

* * *

100 лет назад группа «Освобождение труда» явилась предвестником рождения российской социал-демократии, а спустя несколько лет лидер этой группы, Плеханов, произнес вехие слова: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может»²⁴. Автор этих слов, правда, не предполагал, что превращение пролетариата в решающую силу демократического движения в нашей стране повлечет за собой перестройку всего характера этого движения по сравнению с революциями XIX века. Развитие марксизма в новых условиях, превращение его в практику социалистической революции принадлежит Ленину и партии большевиков.

Ленин неизменно называл себя марксистом, учеником Маркса. Однако бессмертие учения Маркса заключалось для него не в неизменности представлений и выводов, сделанных основоположником учения, а в понимании того, что марксизмом созданы новые направления исследования, революционизировавшие науку и мышление в целом. Ленин был

²⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. II, М. — Л., 1925, с. 80.

решительным противником сведения марксизма к абстрактным положениям и раз навсегда заданным образцам, не меняющимся с развитием науки и революционной практики, а также связанного с этим стремления ограничить изучение исторических фактов поиском подтверждения заранее сформулированных социологических схем, чем в немалой степени грешил Плеханов.

Общеизвестна мысль Ленина, сформулированная им в самом начале его политического пути: «Мы вовсе не смотрим на теорию К. Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»²⁵. В тех условиях это означало прежде всего обоснование необходимости самостоятельной разработки теории Маркса для социалистов разных стран. Но если принять во внимание весь ход развития марксизма в нашей стране, интернациональный опыт путей развития мирового социализма, то это положение обогащается новыми гранями и сторонами. Наиболее важная из них заключается в осознании того, что опыт истории и революционного действия масс имеет значение не только в приложении общих истин марксистской теории, сами истины марксизма должны обогащаться, развиваться, переосмысливаться, чтобы оказаться в состоянии вместить в себя данную особую действительность, всемирно-исторический опыт перехода человечества к социализму.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.